

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Сталкер.

СЦЕНАРИЙ ДВУХСЕРИЙНОГО ФИЛЬМА¹

МОСКВА

Январь 1978 г.

1. ДОМ СТАЛКЕРА

Грязная захламленная квартира. Ночь. Сталкер тихонько выбирается из-под одеяла, берет в охапку одежду и на цыпочках выходит в ванную. Одевается и не замечает, как в дверях появляется его жена, заспанная, неопрятная, в заношенной ночной рубашке.

Ж е н а. Ты зачем мои часы взял? Куда ты собрался, я тебя спрашиваю?

Он молчит, глядя в сторону.

Ж е н а. Ты же слово дал, я же тебе поверила...

Он нелепо пожимает плечом и не отвечает.

Ж е н а. Ну, хорошо, о себе ты не хочешь думать... А мы? Ты о ребенке своем подумай! Она еще к тебе даже привыкнуть не успела, а ты снова за старое? А обо мне ты подумал? Ведь я старухой стала, ты ведь меня доконал! Я не могу тебя все время ждать, я умру! Ну зачем тебе сейчас идти? Деньги пока есть... С биржи труда повестку прислали...²

С т а л к е р. Тише, ребенка разбудишь!

Ж е н а. Ребенка пожалел! Эх ты! Где же твое слово? Как вор, на цыпочках...

С т а л к е р. Я сказал — тише!

Ж е н а. Тебе же обещали нормальную человеческую работу! Ты же соби-
рался работать!

С т а л к е р. Ну, хватит, надоело! Я скоро вернусь...

Ж е н а. В тюрьму ты вернешься! Только теперь дадут тебе не пять лет, а десять!.. И десять лет у тебя ничего не будет! И ни зоны, и ничего! А я за эти десять лет сохну!

С т а л к е р. Ты меня тюрьмой не пугай, мне везде тюрьма... Отойди!

Ж е н а (хватает его за рукав). Не пушу!

С т а л к е р. Отойди, говорят тебе!

Он вырывается, отпихивает ее и устремляется к выходу.

Ж е н а (кричит). Ну и катись! Чтоб ты там сгнил! Проклят будь день, когда я тебя встретила! Подонок! Сам бог тебя таким ребенком проклял! И меня из-за тебя, подлеца! Подонок!

---

1 Публикуется по тексту из архива Госкино (РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 6. Ед. хр. 4510). Это первый экземпляр машинописи через полтора интервала, в котором 54 страницы, не считая титульной. Текст реплик выполнен заглавными буквами. Есть четыре незначительные правки от руки — все они отмечены в примечаниях. Также в примечаниях указаны основные отличия этой версии от 57-страничного сценария, написанного в сентябре 1977 года, и от «режиссерской разработки», сделанной Андреем Тарковским весной 1978-го. Об истории создания публикуемого варианта и его текстологических особенностях см. во втором разделе статьи «Сталкер в поисках сценария», напечатанной выше. — *Здесь и далее примеч. С.Ф.*

2 Эта фраза вписана от руки.

Громко заплакал ребенок.

Грязноватый пролет тускло освещен лампочкой без плафона. Сталкер сбегает по лестнице.

2. ПИСАТЕЛЬ

У подъезда стоит роскошный автомобиль. Дверцы раскрыты, рядом стоят Писатель и его знакомая. Писатель в длинном черном пальто и без шляпы разглагольствует, делая широкие движения рукой с рюмкой. Дама внимает, в одной руке у нее бутылка, в другой — рюмка.

П и с а т е л ь. Дорогая моя! Мир непроходимо скучен. И поэтому ни телепатии, ни привидений, ни летающих тарелок... Ничего этого... Быть не может.

Д а м а. Но я читала меморандум Кемпбелла...

П и с а т е л ь. Кемпбелл — романтик. Рара авис ин террис. Таких больше нет. Мир управляется унылыми чугунными законами, и это невыносимо скучно. Серая чугунная скука чугунных законов... И законы эти — увы — не нарушаются. Они не умеют нарушаться. Не надейтесь на летающие тарелки, это было бы слишком интересно...

Д а м а. А как же Бермудский треугольник? Вы же не станете спорить...

П и с а т е л ь. Стану. Спорить. Нет никакого Бермудского треугольника. Есть треугольник а-бэ-це, который равен треугольнику а-прим бэ-прим це-прим. Вы чувствуете, какая унылая скука заключена в этом утверждении?.. Вот в Средние века было интересно. В каждом доме жил домовый, в каждой церкви — бог... Люди были молоды! А сейчас каждый четвертый — старик. Скучно, мой ангел, ой как скучно!

Д а м а. Но вы же не будете отрицать, что Зона... порождение сверхцивилизации, которая...

П и с а т е л ь. Да Зона не имеет никакого отношения к сверхцивилизации! Просто появился еще один какой-то паршивый скучный закон, которого мы раньше не знали... А хотя бы и сверхцивилизация... Тоже, наверное, скука... Тоже какие-нибудь законы, треугольники, и никаких тебе домовых и, уж конечно, никакого бога... Потому что если бог — это тот самый треугольник, то я просто не знаю...

Сталкер выходит из подъезда. Писатель оборачивается.

П и с а т е л ь. Ага. Это за мной. Прелестно... (Забирает у Дамы бутылку.) Прощайте, друг ситный...

С т а л к е р. Пойдемте.

П и с а т е л ь. Одну минуту. Эта дама любезно согласилась итти с нами в Зону. Она — мужественная женщина. Ее зовут... э... Простите!

Дама загорается интересом.

Д а м а. В Зону? Так вы — сталкер?

Сталкер наклоняется к ее уху и что-то шепчет. Дама вспыхивает.

Д а м а. Кретин!

Она захлопывает дверцу и укатывает.

Сталкер крепко берет Писателя за локоть и увлекает его по улице.

С т а л к е р. Все-таки напились.

П и с а т е л ь. Я? В каком смысле? Ни в коем случае. Я просто выпил, как это делает половина народонаселения. Другая половина — да, напивается. Женщины и дети включительно. А я просто выпил...

Сталкер. Вам же машину вести...

Писатель. Подумаешь! Не беспокойтесь, все будет в лучшем виде...

Спотыкается, валится в лужу. Сталкер помогает ему подняться.

Писатель. Черт подери... Поразливали здесь луж, ступить некуда...

3. БАР

Сталкер и Писатель входят в бар, открытый круглые сутки. Пусто. За стойкой дремлет кельнер.

У одного из столиков сидит над чашкой кофе Профессор. При виде Сталкера он смотрит на часы и приподнимается, но Сталкер машет ему рукой.

Сталкер. Сидите, сидите, Профессор. Рано еще.

Он усаживается напротив Профессора. Писатель садится рядом, достает из кармана бутылку.

Писатель. Посошок на дорожку? Как вы считаете?

Сталкер молча берет бутылку, закупоривает и сует ее Писателю обратно в карман.

Писатель. Понятно, сухой закон. Алкоголизм — бич народов. Будем пить кофе.

Встает и отходит к стойке.

Профессор (тихо). Что это за... Зачем Вы взяли этого... интеллектуала?

Сталкер. Ничего, он протрезвеет. Ему тоже нужно. А потом он уже заплатил, так же как и вы.

Писатель возвращается с чашкой кофе, усаживается.

Писатель. Вы действительно профессор?

Профессор. Да.

Писатель. Гм. Ну что ж... В таком случае позвольте представиться. Меня зовут...

Сталкер. Вас зовут Писатель.

Профессор. Прелестно. А как зовут меня?

Сталкер. А Вас — Профессор.

Профессор. Рад сделать знакомство. Итак, я — писатель, и меня, естественно, почему-то зовут Писатель.

Профессор. И о чем же вы пишете?

Писатель. О читателях. Они ни о чем другом читать не хотят.

Профессор. Наверное, ни о чем другом и писать не стоит...

Писатель. Писать вообще не стоит. Ни о чем. А вы что — химик?

Профессор. Скорее физик.

Писатель. Тоже, наверное, скука, а? Поиски истины. Она прячется³, а вы ходите и ищете, то там копнете, то здесь... В одном месте копнули — ага, ядро состоит из протонов. В другом копнули — красота: треугольник а-бэ-це равен треугольнику а-прим бэ-прим це-прим... Вот у меня — другое дело. Я эту

---

3 Выброшен следующий фрагмент: «а мы ее зачем-то ищем...

Профессор. Это от вас она прячется. “Бог хитер, но не злонамерен”.

Писатель. Дьявол.

Профессор. Эйнштейн говорил — “бог”, а имел в виду природу.

Писатель. А манихейцы говорили — “дьявол” и имели в виду дьявола... Так вот, спрятал он в начале начал вашу истину. Он спрятал».

самую истину выкапываю, а в это самое время с нею что-то такое делается, и получается так, что выкапывал-то я истину, а выкопал, извините, кучу не скажу чего. (Пауза.) Вам-то хорошо! А вот стоит в музее какой-нибудь античный горшок. В свое время в него объедки кидали, а нынче он вызывает всеобщее восхищение лаконичностью рисунка и неповторимостью формы, и все вокруг ахают и охают, и вдруг выясняется, что никакой он не античный, а подсунул его археологам какой-нибудь шутничок... Для веселья. И форма у него осталась неповторимой, и рисунок лаконичным, но аханье, как ни странно, стихает...⁴

П р о ф е с с о р. Господи. И вы об этом все время думаете?

П и с а т е л ь. Боже сохрани! Я вообще редко думаю. Мне это вредно...

П р о ф е с с о р. Ведь невозможно писать и при этом все время думать, будут ли вас читать, скажем, через сто лет.

П и с а т е л ь. Натюрлих! Но с другой стороны, если через сто лет его⁵ не станут читать, то на кой хрен его писать? Скажите, Профессор, ради чего вы впутались в эту историю? Зачем вы идете?

П р о ф е с с о р (уклончиво). Н-ну... Что может физику понадобиться в Зоне? А вот что нужно в Зоне Писателю? Модный писатель, женщины, наконец, на шею вешаются гроздьями.

П и с а т е л ь. Вдохновенье, Профессор! Утеряно вдохновенье. Иду выпрашивать.

П р о ф е с с о р. То есть вы что же — исписались?..

П и с а т е л ь. Что? Пожалуй... В каком-то смысле.

Сталкер смотрит на часы.

С т а л к е р. Простите. Пора.

4. ЗАСТАВА

Они выходят из кафе. За углом застыл у обочины большой черный автомобиль. Писатель открывает дверцы, садится на водительское место. Сталкер и Профессор усаживаются на заднее сиденье.

С т а л к е р. Поехали.

Писатель заводит мотор, и вот уже машина несется по темным ночным улицам.

На темных фасадах и в черном небе над крышами пестрят и посвечивают мертвенными неоновыми красками рекламы напитков, сигарет, названия кинотеатров, страховых агентств⁶.

Профессор дремлет, откинувшись головой в угол. Сталкер горбится рядом с ним, зябко засунув руки в рукава куртки. Писатель лихо правит машиной, срезая повороты по тротуарам, чудом увертываясь от фонарных столбов.

---

4 Выброшен фрагмент: «П р о ф е с с о р. Ну, это вы о снобах говорите...

П и с а т е л ь. О каких там снобах? Я о горшках говорю! Вот почитает мои книжки какой-нибудь умный мальчик и в один прекрасный день заорет на весь мир про голого короля... А пройдет еще сто лет, и какой-нибудь авторитетный идиот объявит меня гением. И такие случаи бывали...».

5 «его» — то есть роман: в предыдущих версиях сценария Профессор говорил не «вас читать», а «ваш роман».

6 Этот абзац добавлен в данной версии сценария.

Впереди в свете фар появляется огромный щит с флюоресцентной надписью на английском языке: «Внимание! Сбавить ход! Приготовить пропуска! До границы Зоны — 300 метров»⁷.

С т а л к е р. Здесь направо...

Писатель <с>ворачивает машину в узкий, заросший травой проулок.

С т а л к е р. Остановите, пожалуйста...

Машина останавливается. Сталкер выходит, прокрадывается до угла, выглядывает.

Перед ним — военная застава, охраняющая въезд в Зону. Бетонные стены, узкие, как амбразуры, окна. Прожектора на крышах. Прожектора и пулеметы на башнях. Броневики с мокрыми от дождя клепанными бортами. Часовые в мокрых от дождя металлических касках. Блестят под дождем в темноте мокрые рельсы. Железнодорожная ветка упирается в наглухо закрытые ворота.

Некоторое время Сталкер внимательно разглядывает заставу, затем возвращается к машине.

С т а л к е р (усаживаясь). Вперед и налево, пожалуйста. Вон к тем кустам... Надо спрятать машину...

Писатель трогает машину. Она медленно, как бы крадучись, выезжает из проулка, приближается к зарослям кустарника неподалеку от железнодорожного полотна и застывает в густой тьме под мокрой листвой.

С т а л к е р. Теперь подождем...

Он откидывается на спинку сиденья.

С т а л к е р (Профессору). Вы канистру вы не забыли?

П р о ф е с с о р. Полная. В багажнике.

С т а л к е р (наклоняется к Писателю). Я хочу напомнить, как только пройдет тепловоз и я дам знак — сразу за ним. Не отставайте ни на метр. За воротами сразу налево. Там будет улочка. А дальше я вам буду показывать.

П и с а т е л ь. А зачем в Зоне тепловоз?

С т а л к е р. Он эту заставу только обслуживает. Дальше он не ходит. (Смеется.) Они туда вообще не любят ходить⁸.

Пауза.

Писатель нервно позевывает, крутится, потом вдруг перегибается назад к Профессору.

П и с а т е л ь (тихо). Вот я давеча говорил вам, вранье все это. Плевал я на вдохновенье... А может быть, я и в самом деле иду за вдохновеньем... Откуда мне знать, как назвать то, чего я хочу? И откуда мне знать, что я действительно не хочу того, чего я хочу? Или что я действительно не хочу того, чего я не хочу? Это какие-то неуловимые вещи: стоит их назвать, и смысл их исчезает, тает, расплзается, как медуза на солнце. (Пауза.) Положим, я — убежденный вегетарианец. Сознание мое хочет победы вегетарианства во всем мире. Подсознание мое изнывает по куску сочного мяса. Спрашивается: а чего же хочу я?

П р о ф е с с о р. А на самом-то деле вы хотите мирового господства?

С т а л к е р. Чш-ш-ш...

Слышится гул и позвякивание приближающегося теплового.

---

7 Этот абзац, отсутствующий в предыдущих версиях, восстановлен с изменениями из первого варианта сценария.

8 Две последние реплики добавлены.

С т а л к е р. Приготовились! Держитесь крепче, ногами упирайтесь! Поехали!

Писатель с места рывком бросает машину вперед. Машина выскакивает на железнодорожное полотно и мчится по шпалам следом за тепловозом в распахнувшиеся ворота.

5. ПРОРЫВ⁹

С т а л к е р. Налево!

Сразу за воротами Писатель круто бросает машину с железнодорожного полотна налево, в темноту.

Прыгает на сиденье Профессор, цепляясь то за спинку переднего сиденья, то за колени Сталкера, а тот растопырился, уперся руками и ногами во все, что возможно, и только время от времени подает Писателю негромкие команды: «Теперь направо... Налево... Еще раз налево...»

А уже бегают суматошно во тьме прожектора, и трещат пулеметные очереди. Машина стремительно мчится по мертвым, давным-давно заброшенным кварталам, мелькают в бегучем свете прожекторов запыленные окна, стены с осыпавшейся штукатуркой, повалившиеся заборчики. Пулеметные очереди крошат ветхие стены, вдребезги разносят грязные стекла и ставни, вздымают фонтаны воды в стоячих лужах.

С т а л к е р. Здесь! Стой!

Машина резко тормозит.

С т а л к е р. Вылезайте быстрее! Канистра где?

Распахиваются дверцы, Сталкер, Профессор и Писатель вываливаются из машины.

С т а л к е р. Канистра где!

Профессор рывком откидывает крышку багажника, выхватывает канистру.

Пулеметная очередь крошит черепицу на крыше над их головами.

С т а л к е р (торопливо). Ложись!.. За мной давайте, за мной ползком... Голову не поднимать! Канистру держите слева... Если кого-нибудь зацепит, не кричите, не метайтесь... Увидят — убьют! Потом, когда стихнет, ползите назад, к воротам... Утром подберут...

Он ловко ползет на четвереньках, виляя тощим задом. Профессор волочит канистру, пыхтя, ползет Писатель.

Они оказываются в полуразвалившемся сарае. Под его крышей проходят железнодорожные рельсы, а на рельсах красуется крошечная дрезинка с бензиновым моторчиком. Сталкер, то и дело оглядываясь на треск пулеметных очередей, оскалившись, отвинчивает пробку бензинового бачка.

Вдвоем с Профессором они заливают бачок, затем Сталкер отбрасывает пустую канистру и принимается заводить мотор.

С т а л к е р. Садитесь. Скорее!

Профессор и Писатель лезут на узкую платформу и кое-как рассаживаются, держась друг за друга.

Писатель (очень нервно). А они нас не догонят?

С т а л к е р. Не догонят... Они ее боятся как огня...

П и с а т е л ь. Кого?

---

9 От руки вписано и зачеркнуто: «Зона (Город)».

Мотор раздражается залпами выхлопов. Мигающая от прожекторов полутьма сарайчика заполняется клубами бензиновой гари.

Дрезина трогается с места и мчится в темноту по мокрым рельсам. А позади по-прежнему бегают прожекторные лучи и грохочут пулеметные очереди.

И катится в ночной темноте дрезина, ровно тарахтит мотор. Впереди, держась за рычаг управления, сидит по-турецки Сталкер. За его спиной, прижавшись друг к другу спинами, сидят Писатель и Профессор. Профессор придерживает на коленях неуклюжий угловатый рюкзак.

6. В ОЖИДАНИИ РАССВЕТА

Впереди из тумана выдвигается какое-то полуразрушенное станционное здание.

Дрезина останавливается. Сталкер спрыгивает на шпалы.

Сталкер. Ну вот мы и дома.

Писатель. Ф-фу. Наконец-то...

Он тоже слезает с дрезины, за ним спрыгивает Профессор.

Профессор. Тихо как...

Сталкер. Здесь всегда тихо. Это самое тихое место на Земле. Здесь некому шуметь.

Сталкер очень возбужден, ноздри его раздуваются, глаза блестят.

Сталкер. Вы потом увидите. Здесь удивительно красиво... Странно! Цветами почему-то не пахнет... Или я отвык? Вы не чувствуете?

Писатель. Болотом воняет — это я чувствую...

Сталкер. Нет-нет, это рекой, здесь река близко... (Показывает в сторону здания.) А вон там был огромный цветник. Дикобраз его засыпал, затоптал, с землей сровнял, но запах оставался много лет... А вот сейчас я его не чувствую...

Профессор. А зачем он это сделал?

Сталкер. Что — затоптал? Не знаю. Дикобраз был странный человек. Я, помню, его тоже спрашивал: зачем? А он мне отвечал: потом сам поймешь. Но я так и не понял. Наверное, он просто ненавидел Зону.

Писатель. А кто это такой — Дикобраз? Это фамилия такая?

Сталкер. Нет, это кличка. Самый лучший из всех сталкеров. Он годами водил людей в Зону, и никто ему не мог помешать. Он был моим учителем, он мне глаза открыл, и звали его тогда не Дикобраз, звали его тогда Мастер... А потом что-то с ним случилось, сломалось что-то в его характере или переродилось, не знаю... Я думаю, что он просто был наказан.

Он уходит в туман.

Сталкер. Не ходите здесь!

Писатель. Куда это он?

Профессор. Не знаю. Может быть, просто хочет побыть один.

Писатель. Зачем? Тут и втроем-то как-то неуютно...

Профессор. Свидание с Зоной. Он ведь сталкер.

Писатель. Ну и что же?

Профессор. Настоящий сталкер — это не профессия. Это в каком-то смысле призвание.

Писатель. Ну?

Профессор. Всё.

Писатель. Спасибо. Было очень интересно.

Профессор. Сядьте, посидите спокойно. Здесь не так уж много мест, где можно посидеть спокойно. Не суетитесь.

Писатель. Удивительно красиво. Туман, темно и ничего не видно. Ну хорошо, а что там насчет Дикобраза? Что это значит — был наказан? Это что — фигура речи?

Профессор. В один прекрасный день он вернулся отсюда и через некоторое время разбогател. Немыслимо разбогател...

Писатель. Ну? Это что — наказание такое?

Профессор. А через неделю повесился.

Писатель. Почему?

Из тумана появляется Сталкер.

Сталкер. А цветы снова цветут! Только не пахнут почему-то... Вы извините, что я вас тут бросил, но сейчас идти все равно рано... Туман...

Длинный скрежещущий звук прерывает его. Все, даже Сталкер, вздрагивают. Лицо у него становится напряженным.

Писатель. Господи, что это?

Профессор (нерешительно). А может быть, это все-таки правда, что здесь живут?

Сталкер. Кто?

Профессор. Ну, вы же знаете эту легенду... Ну, туристы эти, которые стояли будто бы здесь в ту ночь, когда возникла Зона...

Сталкер. Нет. В Зоне никого нет и быть не может.

Писатель. Это почему же — быть не может? Мы же вот здесь есть... А кстати, профессор, откуда эта Зона взялась, что она такое, по-вашему?

Профессор. Трудно сказать. Об этом почти ничего не известно. Примерно четверть века назад сюда будто бы упал метеорит, вдребезги разрушил электростанцию, спалил дотла поселок... Метеорит этот искали экспедиции — сначала научные, затем даже любительские, и, конечно, ничего не нашли... Потом здесь стали пропадать люди. Уходили сюда и не возвращались...

Писатель. Ну?

Профессор (пожимает плечами). Наконец решили, что метеорит этот был не просто метеорит... Для начала поставили кордоны, чтобы любопытствующие не рисковали жизнью. Вот тогда-то и появились слухи, что в недрах Зоны существует место, где исполняются желания... И тогда было принято решение охранять Зону как зеницу ока... Мало ли у кого какие могут возникнуть желания...

Писатель. А что же это было, если не метеорит?

Профессор. Я же говорю: неизвестно.

Писатель. Ну а вы сами что думаете?

Профессор. Да что угодно. Послание... Из космических глубин, как вырываются в газетах... Или подарок.

Писатель. Ничего себе — подарочек! Исполнение желаний! Для чего им это понадобилось?

Сталкер (тихо). Чтобы сделать нас счастливыми.

Писатель скептически хмыкает. Профессор глядит на Сталкера, хочет что-то сказать и молча отворачивается.

Сталкер. Ну вот, нам пора¹⁰.

Тумана больше нет. С высоты насыпи открываются зеленые просторы, озаренные утренней зарей Зоны.

Сталкер. Пойдем, как условились. Я иду последним. Вы будете прокладывать дорогу по очереди. Каждый раз я буду указывать направление. Отклоняться от этого направления опасно. Первое направление — вот тот столбик. Сначала пойдет Профессор. Прямо на тот столб. Идите.

Профессор начинает спускаться с насыпи. Отпустив его шагов на пятнадцать, Сталкер поворачивается к Писателю.

Сталкер. А теперь вы. Старайтесь след в след.

Профессор идет впереди, и перед каждым шагом настороженно высматривает место, куда поставить ногу. Писатель идет следом, глядя не столько себе под ноги, сколько под ноги Профессору. И бредет он невнимательно, то и дело сбиваясь со следа Профессора. Сталкер, замыкающий «колонну», видит это, но пока молчит¹¹. Наконец зеленая стена листвы слева обрывается, и наши герои выходят на высокий речной берег. Страшная и жуткая картина открывается перед ними.

Совсем рядом, уткнувшись в траву слепыми фарами, громоздится санитарный автофургон, облезший и помятый, а рядом валяются полуистлевшие носилки, куча сгнивших одеял, серые от грязи ленты бинтов.

А на противоположном берегу реки — и того хуже. Там сгрудился десяток танков. Железные чудища стоят в беспорядке, пушками в разные стороны, некоторые почему-то без гусениц, некоторые вросли в землю по самые башни, одни наглухо закупоренные, другие — с настежь раскрытыми люками.

Писатель (пораженно). Господи! А где же... Они что, так все здесь и остались? Люди?

Сталкер. Неизвестно. Помню, как они грузились у нас на станции, чтобы идти на Зону, сюда. Я еще ребенком был, тогда все думали, что нас завоевать хотят. Умники... Хорошо еще, что на этом остановились... Быстро поняли...

Писатель передергивает плечами и поворачивается в другую сторону.

Писатель. А там что такое?

В километре от них в утреннем мареве виднеется бело-серое здание с черными провалами окон.

Сталкер. Вон там и есть ваша комната. Нам — туда.

Писатель. Так вы что ж... Цену набивали? Это же рукой подать...

Сталкер. Да. Но рука должна быть очень длинная. У нас такой нет.

Он достает из кармана горсть гаек...

10 Здесь добавлен фрагмент от реплики Писателя «Это почему же...» до данного места. В «режиссерской разработке» ниже добавлен следующий фрагмент: «Заводит дрезину, ставит рычаг на заднюю скорость и толкает ее назад. Дрезина медленно тает в тумане.

Писатель. А как же мы вернемся...

Сталкер. Здесь не возвращаются...».

11 Здесь удалена фраза: «И так они идут молча, а тем временем заканчивается зеленая заря Зоны и растворяется в обычном солнечном свете.» — последний оставшийся в сценарии след «нечеловеческой зари».

7. ОКОЛО ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

— и начинается работа. Сталкер бросает гайку, внимательно следит за ее полетом, затем посылает к месту ее падения Писателя. Писатель, дойдя до этого места, останавливается, после чего к нему подтягивается Профессор, а следом за ним и Сталкер. Отсюда Сталкер кидает новую гайку, посылает к ней Профессора.

Это настолько похоже на игру, настолько несовместим с понятием об опасности мирный зеленый пейзаж, залитый утренним солнцем, что Писатель понемногу забывается. Он поглядывает по сторонам, насвистывая, и, наконец, забывшись окончательно, останавливается на дороге и наклоняется, чтобы поднять из травы какую-то палочку. И тогда Сталкер точным и уверенным броском посылает гайку ему в затылок. Веселое насвистывание сменяется коротким поросычьим визгом.

Писатель хватается за голову и падает на колени. Сталкер останавливается над ним.

С т а л к е р. Встаньте.

П и с а т е л ь. Вы что, спятили? Вы что?

С т а л к е р. Я просто хотел вам показать, как будет, если... Здесь не место для прогулок, Зона требует к себе уважения. Иначе она карает.

П и с а т е л ь. Ладно... Хорошо, понял... Только попробуйте еще что-нибудь такое... У вас что, языка нет?

С т а л к е р. Поняли? Вот и хорошо. Я знал, что вы поймете. Я же просил...

Они спускаются по отлогому склону, и тут Сталкер вдруг командует негромко:

— Стой!

Шедший впереди Профессор замирает на месте и осторожно приставляет поднятую было для следующего шага ногу. Все сходятся в плотную кучку и смотрят вниз. Там открывается обширная проплешина, начисто лишенная растительности, гладкая и даже отсвечивающая на солнце, как мутное стекло. Посередине ее красуется что-то вроде большой металлической лепешки, в которой по вдавленным в грунт лопастям можно узнать остатки вертолета.

П и с а т е л ь. Эх его припечатало... Что это с ним?

П р о ф е с с о р. Гравиконцентрат.

П и с а т е л ь. Как вы сказали?

Профессор не отвечает. Сталкер прищуренными глазами внимательно разглядывает проплешину, затем извлекает из кармана несколько гаек.

П р о ф е с с о р (не сводя глаз со Сталкера). Это область повышенной гравитации. В этом месте сила тяжести в тысячи раз выше обычной...

С т а л к е р. Это верная смерть.

Нешироко размахнувшись, он кидает гайку. Описав высокую дугу, она падает в десятке шагов впереди.

С т а л к е р. Теперь идите за мной. Шаг в шаг, пожалуйста.

Остановившись на месте падения гайки, он бросает вторую, целясь правее края проплешины. Сначала гайка летит по обычной дуге, а потом невидимая сила срывает ее с траектории, она исчезает из виду, и в ту же секунду раздается грохот, земля вздрагивает, и у края проплешины возникает страшная дымящаяся дыра.

С т а л к е р. Вот видите, она сдвигается вправо. Все здесь меняется...

Писатель смотрит, приоткрыв рот. Сталкер бросает следующую гайку — еще правее от проплешины. На этот раз гайка летит, как полагается, и падает шагах в тридцати впереди.

Сталкер. За мной, прошу. Шаг в шаг.

Они переходят на место падения третьей гайки, причем Писатель следует за Профессором в ногу и, прижимаясь грудью к его рюкзаку, опасливо косясь на черную дымящуюся дыру в траве¹².

И вот они стоят у растрескавшейся бетонной плиты шагах в ста от угрюмого бело-серого здания с ободранными стенами, и отчетливо виден ведущий в черноту широкий прямоугольный вход и обвалившиеся цементные ступени, ведущие к нему.

Профессор. Это там?

Сталкер. Да. Подняться, войти и сразу налево.

Профессор. Войти и выйти...

Сталкер. Рукой подать, правда? Только мы здесь не пойдем. Мы пойдем в обход.

Писатель. Почему?

Сталкер. Здесь не ходят. В Зоне вообще прямой путь — не самый короткий.

Писатель. А в обход — это что, очень далеко?

Сталкер. И далеко и рискованно. Но чем дальше, тем меньше риска...

Писатель. А если все-таки здесь!?!.. Рискнуть?

Профессор. Не валяйте дурака.

Писатель. Погодите... А вот если я сейчас пойду напрямик — это что, смертельно? Там тоже этот... концентрат?

Сталкер. Нет. Но там тоже очень опасно.

Писатель. А в обход — не очень?

Сталкер. Тоже опасно, конечно, но я же вам говорю: здесь не ходят.

Писатель. Мало ли кто где не ходит... А если я все-таки...

Профессор. Послушайте, Писатель, или как вас там...

Писатель. Да погодите вы! Тащиться куда-то в обход, а здесь все перед носом... И здесь риск, и там риск... Какого черта?

Сталкер. Знаете, вы очень легкомысленно к этому относитесь...

Писатель. Да просто... надоели мне эти перебежки... по одному... Вы как хотите, а я пойду!

Он достает из бокового кармана бутылку и, не спуская глаз со здания, принимается свинчивать колпачок.

Профессор. Да он просто невменяем...

Писатель. Сами вы, знаете ли...

Подносит к губам горлышко бутылки, но Сталкер отбирает бутылку и молча выливает спиртное на землю. Затем аккуратно кладет пустую бутылку к ногам. Писатель оторопело следит за его действиями, затем спохватывается.

Писатель. Ага... Тогда тем более.

Делает шаг вперед. Сталкер придерживает его за рукав.

Писатель. Да уберите вы руки!

---

12 Фрагмент от ремарки «Они спускаются...» и до данного места восстановлен с небольшими поправками из первого варианта сценария. В «режиссерской разработке» этот фрагмент снова удален.

С т а л к е р. Вы все-таки настаиваете? Хорошо. Пусть тогда Профессор будет свидетелем: я вас туда не посылал. Вы сами идете, по доброй воле...

П и с а т е л ь. Да, да. Сам и по доброй. Что еще?

С т а л к е р. Ничего. Идите. И дай бог, чтобы вам повезло. Только... Идти надо очень осторожно. Если вы что-нибудь увидите или услышите, или даже просто почувствуете что-то... особое, тут же останавливайтесь и возвращайтесь. Иначе — уже не вернетесь никогда. Вы меня слышите?

П и с а т е л ь. Только не кидайте мне гайки в затылок.

Он зверски оскаливается и ступает в пространство за бетонной плитой. Сталкер и Профессор напряженно глядят ему вслед. Сталкер отходит от Профессора и, чтобы лучше видеть, взбирается на бетонную плиту.

Писатель замедляет шаги... Шаг... еще один шаг... еще один... До здания остается не более десятка шагов.

И вдруг чей-то крик:

— Стой!

Писатель застывает на месте. Затем медленно-медленно поворачивается. Лицо его лоснится от пота.

Сталкер поворачивает к Профессору помертвевшее лицо.

С т а л к е р. Зачем вы?..

П р о ф е с с о р (шепотом). Что — зачем?

С т а л к е р. Зачем вы его остановили?

П р о ф е с с о р. Как? Я думал — это вы...

Писатель стоит в десятке шагов от здания, не смея пошевелинуться, и смотрит на них.

С т а л к е р (Писателю). Возвращайтесь! Быстрее!

Писатель, запыхавшись, останавливается возле них.

П и с а т е л ь. Что случилось? Зачем вы меня остановили?

С т а л к е р. Это не мы вас остановили.

П и с а т е л ь. А кто?

Он поворачивается к Профессору. Тот отрицательно мотает головой. Писатель обессилено садится на землю.

П и с а т е л ь. Черт ее знает...

Профессор вдруг ухмыляется и грозит ему пальцем.

П р о ф е с с о р. А вы — хитрец, господин Хемингуэй! Назад идти совестно, вот и скомандовал сам себе!.. Даже протрезвел со страху.

Писатель вскакивает на ноги.

П и с а т е л ь. Что-что?

П р о ф е с с о р. Ладно, я вас не виню.

П и с а т е л ь. Да вы...

С т а л к е р. Перестаньте... Вы все-таки не совсем понимаете, где находитесь. Мне, что, снова объяснять вам?..

П и с а т е л ь. Вот зачем вы мою водку вылили...

С т а л к е р. Подождите... Выслушайте меня, ради бога...

Пауза.

С т а л к е р (медленно, тщательно подбирая слова). Зона — это очень сложная система... ну, что ли... ловушек, и все они смертельны. Не знаю, что здесь происходит в отсутствие человека. Но стоит тут появиться людям, как все здесь приходит в движение. Наши настроения, наши помыслы, чувства, все наши переживания вызывают здесь перемены. И постичь их мы не в состоянии.

Прежние ловушки исчезают, и возникают новые, безопасные места становятся непроходимыми, и путь делается то простым и легким, то запутывается до невозможности. Это — Зона. Может даже показаться, что она капризна, на самом деле она в каждый момент такова, какой мы ее сделали своим состоянием... Не скрою, были люди, которым приходилось возвращаться с полдороги, не солоно хлебавши. Были и такие, которые гибли у самого порога комнаты... Но все, что здесь происходит, зависит не от Зоны, а от тех, кто сюда приходит.

П и с а т е л ь. Хороших она пропускает, а плохим — от ворот поворот...

С т а л к е р. Не знаю... Не уверен. Мне-то кажется, что пропускает она тех, у кого надежд больше никаких не осталось... Не плохих или хороших, а несчастных... Только и самый несчастный гибнет здесь мгновенно, если он не умеет себя вести. Вам повезло, вас она предупредила... А могла бы и не предупредить. И поэтому я настоятельно прошу вас впредь слушайте меня во всем.

Пауза. Профессор вдруг отстегивает лямки рюкзака и опускает рюкзак на землю.

П р о ф е с с о р. Вы знаете, я, пожалуй, дальше не пойду. Вы идите, а я вас здесь подожду, пока вы назад не пойдете, очастливленные.

П и с а т е л ь. Ай-ай-ай!..

С т а л к е р (мягко). Это невозможно, Профессор.

П р о ф е с с о р. Уверяю вас, я прекрасно дождусь вас здесь, у меня с собой бутерброды, термос...

С т а л к е р. Не в этом дело. Во-первых, без меня вы здесь и часа не выдержите.

П р о ф е с с о р. Так. А во-вторых?

С т а л к е р. Во-вторых, возвращаться мы будем не здесь. Здесь не возвращаются тем путем, каким приходят...

П р о ф е с с о р. И все же я бы предпочел...

С т а л к е р. Тогда нам придется сейчас же возвращаться всем вместе. Деньги я вам верну... За вычетом, конечно, некоторой суммы за... Ну, за беспокойство, что ли...

П и с а т е л ь. Протрезвели? А, Профессор?

Профессор молча поднимает рюкзак, взваливает его на плечи и угрюмо застегивает карабины.

П р о ф е с с о р. Хорошо. Пошли. Бросайте свою гайку.

8. В ТУМАНЕ

Профессор, Писатель и Сталкер по колено в воде бредут по подземному туннелю. Клубы тумана, озаренные серыми отсветами недалекого выхода, ползут над водой. Профессор и Писатель страшно утомлены, они спотыкаются и то и дело падают.

С т а л к е р. Ну, еще немного... выход уже виден...

Они выбираются из прямоугольной ямы на бетонную площадку. Сталкер озабоченно озирается.

С т а л к е р. Ну, кажется, все в порядке... Вот и рукомойник... Можно передохнуть немного...

Профессор стягивает с плеч рюкзак и устало усаживается на него. Писатель со стоном облегчения валится рядом. Один Сталкер остается стоять. Он озирается, задрав голову, словно бы принюхиваясь. Над площадкой стучается туман.

С т а л к е р. Туман... Ах ты господи! Вы отдохните немного, я тут схожу... Только сидите на месте, и особенно не вздумайте подходить к этой двери... (Показывает на дверной проем, в котором раскачивается подвешенная на шнурке гайка.)

П и с а т е л ь (вяло). А что там такое?

С т а л к е р. Здесь Дикобраз специально гайку повесил... Нельзя туда.

Сталкер уходит.

Писатель опрокидывается на спину, закладывает руки за голову.

П и с а т е л ь. Ну, нельзя — и слава богу... Что он нас все пугает? Неприятный какой тип. Я их себе совсем другими представлял.

П р о ф е с с о р. Какими?

П и с а т е л ь. Ну, вроде этих... Кожаный чулок там, Чинганчгук, следопыты, трашперы...

П р о ф е с с о р. У этого биография пострашнее, чем у ваших следопытов. Несколько раз сидел в тюрьме, здесь калечился страшным образом... И дочка у него — мутант... Как пишут в газетах — жертва Зоны...

П и с а т е л ь. А вы откуда знаете?

П р о ф е с с о р. Он несколько лет назад у меня лаборантом работал...

Из тумана раздается голос Сталкера.

С т а л к е р. Эй, вы где? Идите-ка сюда!..

П и с а т е л ь. О господи! Опять будет лекцию читать про свою Зону...

Они поднимаются и, осторожно ступая, углубляются в туман.

С т а л к е р. Сюда, сюда! Я здесь... Писатель, давайте руку... Понимаете, положение немного осложнилось. Обычно я иду этой дорогой, но сейчас такой туман... Осторожно!.. Осторожно, держитесь друг за друга!.. Если бы тумана не было, здесь можно было бы увидеть забавные надписи... Никто уже не знает, кто их сделал... Теперь сюда... Здесь должна быть моя палка... Ага, вот она!

П и с а т е л ь. Какая-нибудь знаменитая палка?

С т а л к е р. Нет, обыкновенная палка, можете убедиться.

П и с а т е л ь. Спасибо, я верю.

С т а л к е р. Профессор, держитесь за Писателя? А то потеряетесь... Возьмите его за полу, так удобнее... А вы держитесь за меня, да покрепче, не стесняйтесь... В каком-то смысле нам даже повезло: если бы мы вышли к ручью-нику в таком тумане, то могли бы угодить прямо под гайку, такие случаи бывали...

Все это время они движутся через волны густого тумана. Сталкер, не переставая говорить, ощупывает перед собой землю палкой.

С т а л к е р. Очень неплохо мы идем. Сейчас будет Сухой тоннель, а там уж туман нам больше не страшен...

П и с а т е л ь. Смотрите, накаркаете...

И тут Профессор вдруг останавливается.

П р о ф е с с о р. Подождите! Мы что — уже идем?

С т а л к е р. Конечно... А что случилось?

П р о ф е с с о р. Позвольте! Я так понял, что вы хотите нам что-то показать! А как же мой рюкзак?

С т а л к е р. А что случилось с рюкзаком?

П р о ф е с с о р. То есть как — что случилось? Я же не знал, что мы идем! Я его там оставил!

Сталкер. Теперь уже ничего не поделаешь...

Профессор. Нет уж, давайте вернемся.

Сталкер. Но это невозможно! Посмотрите, что делается!

Профессор. Я не могу без рюкзака.

Сталкер. Нельзя возвращаться, поймите! Потом, дело не только в тумане! А в том, чтоб возвращаться!.. Никто по этой дороге не возвращался!

Писатель. Действительно, плюньте вы на этот рюкзак. Что у вас там — брильянты?

Сталкер. А потом, вспомните, куда мы идем. Комната даст вам все, что захотите.

Писатель. Сверх головы закидает рюкзаками.

Профессор (угрюмо). Возможно. Но я все же предпочитаю синицу журавлям в небе...

Писатель. Ага. Есть все-таки опасение, что водичка, по которой мы намерены брести яко посуху, все же расступится у нас под ногами...

Сталкер (решительно). Очень жалко, но про рюкзак вам придется забыть. Идемте.

Профессор колеблется, затем молча берется за полу Писателя. Они возобновляют движение.

Писатель. Вы удивительно нелогичны, Профессор. Если такая комната существует, можно в нее либо верить, либо не верить. Но если не верить, то зачем вообще сюда идти? Оставьте свой ползучий эмпиризм. Чудо вне эмпирики...

Профессор. А далеко отсюда до комнаты?

Сталкер. Да нет, мы все время ходим вокруг нее...

Профессор. Примерно с километр?

Сталкер. Меньше! Гораздо меньше! По прямой — метров триста, не больше... Только здесь не бывает прямых, вот в чем беда...

Воцаряется молчание.

Они идут и идут, и вот впереди в тумане возникает темное пятно, и они вступают под гулкие своды нового тоннеля по колена в воду. Туман здесь гораздо реже, в сероватом свете видны бетонные своды, по которым струится влага. Сталкер останавливается.

Сталкер. Ну вот и Сухой тоннель...

Писатель. Ничего себе — сухой...

Сталкер. Это местная шутка. Обычно здесь вообще по шейку...

Писатель (испуганно). А где Профессор?

Сталкер. Что такое?

Писатель. Профессор пропал!

Сталкер. Как пропал?

Он подскакивает к выходу из тоннеля, вглядывается.

Сталкер (кричит). Профессор! Эй, Профессор!

Крик глохнет в тумане, как в вате.

Сталкер. Как же вы! Он же за вас держался!

Писатель. Отцепился, видно, и заблудился...

Сталкер. Нет, он не заблудился... Помогите ему бог теперь! Он за рюкзаком пошел...

Писатель. Может, попробуем поискать?

Сталкер качает головой.

С т а л к е р. Бесполезно...

Некоторое время они молча вглядываются в туман.

С т а л к е р (горестно). Теперь он, можно сказать, как собачонка в клетке с тиграми... И дался ему этот рюкзак несчастный!

П и с а т е л ь. Значит, и здесь каждому¹³ по вере его...

С т а л к е р. Что?

П и с а т е л ь. Может, подождем?

Сталкер молчит, опустив голову.

П и с а т е л ь. Мы что? Никак ему помочь не можем?

Сталкер проводит ладонью по лицу.

С т а л к е р. Да. Никак. Пойдемте.

И они идут дальше. Впереди Писатель, за ним Сталкер, и они идут молча, не говоря ни слова. И только когда впереди возникает светящееся пятно — выход, Сталкер разлепляет запекшиеся губы.

С т а л к е р. Добрались, кажется. Сейчас отдохнем.

Писатель вдруг останавливается, и Сталкер наталкивается на него.

П и с а т е л ь (неуверенно). Там костер как будто...

С т а л к е р. Костер?

Но и вправду, сквозь стену тумана за прямоугольником выхода виднеется алое светящееся пятно.

С т а л к е р. Откуда?.. Осторожно!

Они ощупью приближаются к выходу, выбирают из тоннеля и останавливаются в изумлении. Перед ними у костра на своем злосчастном рюкзаке сидит пропавший Профессор.

П и с а т е л ь (облегченно и обрадованно). Ну вот! Вот и он!

П р о ф е с с о р. Все-таки вернулись. Я, разумеется, весьма вам признателен, только...

С т а л к е р. Как вы сюда попали?

П р о ф е с с о р. Гм... Большую часть пути прополз на четвереньках...

С т а л к е р. Невероятно... Но как вам удалось обогнать нас?

П р о ф е с с о р. Обогнать? Я вернулся за рюкзаком...

С т а л к е р. За рюкзаком?..

Он резко оборачивается. И видит рукомоийник, видит гайку, подвешенную в прямоугольном проеме. Сияющими глазами обводит он Профессора и Писателя.

С т а л к е р. Вот оно что... Мы не только вас нашли, но и под гайкой прошли! Невероятно. Она вернула нас и пропустила мимо рукомоийника! Теперь будем ждать... Я теперь пальцем не шевельну, пока туман не разойдется.

Сталкер, Писатель и Профессор располагаются на отдых.

С т а л к е р. Вы ей понравились, теперь я это знаю. Я ведь никогда не знаю заранее, каких людей я выбрал... Это вообще нельзя угадать, и все выясняется только здесь, когда уже поздно. А Зона не ошибается. Никогда! Смотрите, как мягко она с вами обошлась! Я уже грешным делом думал, что Профессор не выберется.

П и с а т е л ь. Мы-то ладно! Главное — профессорский мешок с подштанниками цел остался...

---

13 «каждому» исправлено от руки вместо «коемужды».

П р о ф е с с о р. Послушайте! Не суйте вы нос в дела, в которых ничего не понимаете!

П и с а т е л ь. А чего здесь понимать? Тоже мне — психологические бездны... В институте мы на плохом счету, средств на экспедицию нам не дают, набьем-ка мы наш рюкзак всякими там манометрами-дерьмометрами, проникнем в Зону нелегально и все здешние чудеса поверим алгеброй... Никто в мире толком про Зону не знает, а тут выходит наш Профессор весь в белом и объявляет: мене, текел, фарес... И все раскрывают рты и хором кричат: Нобелевскую ему, Нобелевскую!

П р о ф е с с о р. Писателишка вы задрипанный, трепло бездарное... Вам бы стены в сортирах расписывать, психолог доморощенный...

П и с а т е л ь. Вяло. Вя-ло! Не умеете. Не знаете вы, как это делается. А потом, психология — это не моя сфера. Мое дело — улавливать социальные тенденции повышенным чутьем художника. Вы, ученые, эти тенденции создаете. Не спорю. Но сами вы в них ни черта не понимаете.

П р о ф е с с о р. Ну, хорошо. Я иду за Нобелевской премией. А вы зачем поспешаете? Хотите подарить человечеству перлы своего попуного вдохновенья?

П и с а т е л ь. Плевал я на человечество. Во всем вашем человечестве меня интересует только один человек — вот этот. (Тычет себя в грудь пальцем.) Стоит он чего-нибудь или он такое же дерьмо, как некоторые прочие.

П р о ф е с с о р. Ну и что будет, если вы узнаете, что вы действительно¹⁴...

П и с а т е л ь. Знаете что, господин Эйнштейн? Занимайтесь своей наукой, своим человечеством! Но только человечество минус я! И вообще не желаю я с вами спорить. В спорах рождается истина, будь она проклята! (Он поворачивается к Сталкеру.) Послушайте, Чинганчгук, вы ведь приводили сюда множество людей...

С т а л к е р. Не так их было много, как бы мне хотелось...

П и с а т е л ь. Ну, все равно, не в этом дело... Зачем они шли сюда? Чего они хотели?

С т а л к е р. Скорей всего... Счастья...

П и с а т е л ь. Это-то понятно, за несчастьем никто не пойдет... Но какого именно счастья?

С т а л к е р. Было бы нехорошо, если бы я рассказывал о том, что мне доверили... Это ведь ни вас не касается, ни меня... Да и знаю-то я немного. Люди не любят говорить о сокровенном...

П и с а т е л ь. Да, пожалуй... В любом случае вы на своем веку повидали множество счастливых людей... Я вот за всю жизнь ни одного не видел...

С т а л к е р. А я тоже. Они возвращаются из комнаты, я веду их назад, и больше мы никогда не встречаемся... Ведь желания исполняются не мгновенно... Наверное, какое-то время должно пройти, прежде чем каждый получит свое...

П и с а т е л ь. А сами вы... никогда ничего не хотели?

С т а л к е р. А я и так счастлив. Больше мне ничего не надо.

Все молчат.

П и с а т е л ь. Профессор, послушайте... Я все насчет попуного вдохновения... Положим, войду я в эту комнату и вернусь в наш богом забытый город гением. Вы следите? Но ведь я тогда больше ни строчки не напишу! Ведь че-

---

14 Зачеркнуто от руки слово «дерьмо».

ловек пишет потому, что мучается, сомневается в себе... Ему необходимо все время доказывать себе и людям, что он — гений... А если я буду знать наверняка, что я — гений, зачем мне писать тогда? Какого рожна? Вы слушаете меня, Профессор?

Сталкер спит. Ему снится сон. Он слышит неразборчивые голоса жены и дочери, слышит и улыбается во сне, а затем голоса постепенно стихают, и он, уже проснувшись, но не открывая глаз, молится про себя.

Сталкер. Пусть будет, как всегда было. Пусть все останутся живы, пусть все будут счастливы. А если для всех это невозможно, пусть я сумею быть жестоким с добрыми и пусть я сумею быть добрым с жестокими. А главное — пусть будет как всегда, пусть стена останется стеной, тупик останется тупиком, а дорога останется дорогой, и пусть никто не останется обделенным...

Он открывает глаза. Тумана как не бывало. Он бесшумно поднимается, подходит, мягко ступая, к спящим спутникам и останавливается над ними. Какое-то время он внимательно разглядывает их по очереди. Лицо у него сосредоточенно, взгляд оценивающий¹⁵.

Сталкер. Вставайте, туман кончился...

9. В ЗАЛЕ

Перед ними обширный мрачный зал — бетонные плиты пола, бетонные стены, обшарпанные бетонные колонны.

Сталкер. Нам надо пройти через этот зал. Но только здесь я приказывать не могу. Тут нужен доброволец. Вы должны сами решить, кто из вас пойдет.

Писатель (раздраженно). Что это за военные игры? «Доброволец»... Вот сами и идите. А, Соколиный Глаз?

Профессор. Перестаньте!

Писатель. Почему — перестаньте? Почему это мы с вами должны выбирать из себя смертника? Сам я идти не хочу, но и вас посылать не намерен! (Сталкеру.) В конце концов, вам за это деньги платят...

Профессор. Будет вам. Я пойду.

Писатель. Никуда вы не пойдете! В благотворительности не нуждаюсь! Пусть он идет!

Сталкер. Я не могу идти. Это бессмысленно.

Писатель. Ах, бессмысленно!

Сталкер (терпеливо). Поймите: если со мной что-нибудь случится, то вы здесь погибнете оба.

Профессор. Да давайте я пойду, что вы все спорите?

Писатель. А вы перестаньте строить из себя героя! Он, видите ли, пойдет — герой — а мне всю жизнь от срама корчиться... Тогда уж давайте жребий!

Профессор. Да пройду я без всякого жребия! (Он хлопает ладонью по рюкзаку.) Зона совершенно явно хочет, чтобы я донес этот горб до самой комнаты.

Писатель. Господи, ну и логика! Вы что — свихнулись?

---

15 Удалена ремарка: «Затем он задумчиво качает головой. Смотрит на часы, наклоняется над спящими, и говорит негромко:».

П р о ф е с с о р. Логика, может быть и странная, но ведь мы имеем дело с чудом... (Поворачивается к Сталкеру.) Как идти?

С т а л к е р. Хорошо... Значит, пойдете вы... Я сперва брошу гайку, и вы тихонечко, не торопясь, пойдете вон к той колонне. Там вы остановитесь, тогда я брошу вторую...

Писатель отходит в сторону и спокойно, с какой-то даже ленцой направляется к указанной колонне.

П р о ф е с с о р. Куда?! Стойте! Вы, самоубийца!

Сталкер торопливо кидает вслед Писателю гайку.

Гайка ударяется в бетонный пол, подскакивает и медленно-медленно плывет по воздуху.

С т а л к е р. Ложитесь!

Он хватается Профессора за плечо, валится вместе с ним на пол и, скорчившись, прикрывает голову обеими руками.

Гайка медленно опускается на пол, медленно катится по бетонным плитам и застывает неподвижно у ног остановившегося Писателя.

Тот некоторое время смотрит на нее словно бы в задумчивости, затем возвращается назад и смотрит на лежащих Сталкера и Профессора.

П и с а т е л ь. Нельзя туда. Там... Это... Гайка как-то не так.

Он отходит в сторону и садится на обломок бетона, уронив между колен сцепленные руки и опустив голову.

Пауза.

П и с а т е л ь. Вот и еще эксперимент... Еще один факт... Эксперименты, факты, истина в последней инстанции... Только фактов не бывает. Их вообще не бывает, а уж здесь и подавно. Здесь все кем-то выдуманно, неужели вы не чувствуете? Все это чья-то идиотская выдумка!

Сталкер осторожно выглядывает из рва, находит взглядом Писателя и приоткрывает в изумлении рот.

П и с а т е л ь. А вам-то, конечно, до зарезу надо знать чья. Только какая разница чья? Что толку от ваших знаний? Чья совесть от них заболит? Моя? У меня нет совести. У меня есть только нервы. Обругает какая-нибудь сволочь — рана. Другая сволочь похвалит — еще рана... Душу вложишь, сердце свое вложишь — сожрут и душу и сердце. Мерзость из души вынешь — жрут мерзость... Они же все поголовно грамотные, у всех у них сенсорное голодание... И все клубятся вокруг — журналисты, редакторы, критики, бабы какие-то непрерывные... И все требуют: давай! давай!

Какой из меня к черту писатель, если я ненавижу писать, если для меня это мука, болезненное и постыдное занятие.

Профессор и Сталкер поднимаются на ноги, испуганно глядят на Писателя.

П и с а т е л ь. Я ведь раньше думал, что от моих книг кто-то становится лучше. Да не нужен я никому! У меня один особняк за душой. С финской баней. Я сдохну, а через два дня меня забудут и начнут жрать кого-нибудь другого. Я пытался переделать их, а переделали меня, по своему образу и подобию!.. Раньше будущее было только повторением настоящего, и все перемены маячили где-то там, за горизонтами. Ритм жизни был не тот! А будущее слилось с настоящим. Как мы поступим — так и будет в будущем! Разве они готовы к этому? Они ничего не желают знать! Они только жрут!

Писатель смолкает, проводит рукой по лбу. Сталкер и Профессор тихонько подходят к нему.

Сталкер (восторженно). Ну и везет же вам! Ведь здесь... (Обрывает себя.) Теперь вы сто лет жить будете!

Писатель. А вот этого бы не надо... Ну так что? Значит, через зал нас не пускают. Куда дальше.

10. КОРИДОРЧИК

Они стоят перед прямоугольным жерлом коридора, черного, закопченного, и под ногами у них черная обугленная земля.

Писатель. Это что же — туда идти?

Сталкер. К сожалению. Другого пути нет.

Он напряжен и несчастен.

Писатель. Как-то там... тускло, а, Профессор?

Профессор подавленно молчит.

Писатель. Ну, что, может здесь тоже добровольцы найдутся? Профессор, вы там что-то говорили насчет логики чуда...

Сталкер. Простите. Видимо, надо тащить жребий. Вы ведь сами предлагали?

Писатель. Здесь я бы, пожалуй, предпочел добровольца.

Сталкер достает спички, отвернувшись, что-то делает с ними, потом выставляет зажатые между пальцами две спичечные головки.

Сталкер. Пойдет длинная. Тащите...

Писатель вытаскивает спичку.

Сталкер. Длинная. На этот раз не повезло.

Он отбрасывает оставшуюся спичку далеко в кучу мусора. Писатель несколько секунд смотрит на него, затем поворачивается к входу в коридор. Вглядывается, гоня спичку из одного угла рта в другой.

Писатель. Вы бы хоть гаечку туда бросили, что ли...

Сталкер. Да, разумеется... Берегите глаза!

Он достает гайку, прикрывает левой рукой лицо и швыряет гайку в черное жерло. Отскакивает в сторону.

Слышно, как гайка ударяется в цементный пол, и вдруг ослепительное дрожащее сияние заливает мрачный проход. Профессор и Писатель пятятся, закрываясь ладонями. Сияние продолжается несколько секунд, затем медленно затухает.

Писатель. Что это было?

Сталкер. Ничего. Это не опасно. Просто свет. Идите.

Пауза. Писатель заглядывает в коридор.

Писатель. Ладно. Иду¹⁶.

Он засовывает руки в карманы и, ернически посвистывая, то и дело оборачиваясь и подмигивая стеклянным от ужаса глазом, входит в коридор.

Сталкер хватается Профессора за плечо и силой оттаскивает его в сторону с полосы обожженной земли. Замерев, они слушают стук, гул, лязг прерывающееся посвистывание, доносящиеся из коридора. Затем становится тихо, и напряженный голос Писателя произносит:

— Здесь дверь какая-то... Входить?

---

16 Вставлен фрагмент от реплики «Да, разумеется...» и до этого места. В «режиссерской разработке» большая часть вставленного удалена.

Сталкер бросается в коридор, Профессор, придерживая на носу очки, за ним. Они останавливаются около Писателя, который топчется возле массивной двери, замыкающей коридор.

П и с а т е л ь. Дальше что?

С т а л к е р. Дальше — туда... Открывайте дверь и входите.

П и с а т е л ь. Опять я? Входить.

С т а л к е р (напряженным голосом). Вам же выпал жребий... Идите, тут нельзя долго...

Писатель достает из заднего кармана пистолет, решительным движением оттягивает затвор и берется за ручку двери. Сталкер хватается за руку.

С т а л к е р. Стойте! Что вы делаете? Не надо!

П и с а т е л ь. А вам-то что?

С т а л к е р. Отдайте! Вы же погибнете так! И нас погубите! Вспомните танки! Здесь нельзя с оружием!

Писатель колеблется.

С т а л к е р (умоляюще). Я вас очень прошу — отдайте... Ну в кого вы там будете стрелять? В собственную судьбу?

Писатель отдает пистолет Сталкеру. Тот брезгливо берет его двумя пальцами и осторожно кладет в сторону на пол.

С т а л к е р (Профессору). А у вас, надеюсь, ничего такого нет?

П р о ф е с с о р. У меня на этот случай ампула...

С т а л к е р. Что? Ампула?

П р о ф е с с о р. Ампула зашита. Яд.

С т а л к е р. Боже мой! Вы что же — умирать сюда пришли?

Писатель тянет за дверную ручку. Дверь медленно, со скрипом растворяется.

11. КОМНАТА С ТЕЛЕФОНОМ

Насквозь пропыленная комната, заставленная старинным мебельным хламом. У входа на стене висит обросший пылью телефон. Профессор, стащивши со спины рюкзак, тяжело опускается в кресло под телефоном. Писатель, руки в карманах, присев на край замызганного стола, усмехаясь, следит за Сталкером, который всячески суетится вокруг него, оглаживает, придвигает кресло, усаживает.

С т а л к е р. Вы сядьте, сядьте поудобнее, вот, садитесь! Ничего, ничего... Все мы перенервничали, правда, но теперь все позади... Как же я рад за вас! Прекрасный вы человек! Правда, я уж и не сомневался почти, но все же вы такую муку выдержали! Это же страшное место, самое страшное в Зоне! У нас его зовут мясорубкой, но это хуже любой мясорубки! Сколько людей здесь погибло! И брат Дикобраза тут погиб, такой тонкий, талантливый! Вот, послушайте:

На пространство и время ладони
Мы наложим еще с высоты.
Но пойдем, что в державной короне
Драгоценней звезда нищеты,
Нищеты, и тщеты, и заботы.
О нерадостном хлебе своем,
И с чужими созвездьями счесть
На земле материнской сведем...

Хорошо, правда? Это его стихи.

Профессор и Писатель молчат, хмуро глядя на него.

С т а л к е р. Ну и слава богу! Это ведь не часто, ох, как нечасто бывает, чтобы дошли все, кто вышел... А вы правильно вели себя... Вы не представляете себе, как я рад! Вы — добрые, честные, хорошие люди, и я горжусь тем, что не ошибся!

Писатель молча глядит на него. Молчит, потом вдруг взрывается.

П и с а т е л ь. Да что ты все юлишь! Что ты суетишься? Сядь, смотреть тошно!

Сталкер послушно садится в углу. Улыбается сконфуженно и заискивающе.

П и с а т е л ь. Рад он до смерти, что все хорошо получилось! Я, видите ли, прекрасный человек! Ты думаешь, я не видел, как ты мне две длинных спички подсунул? Судьба! Зона! А сам жульничает, как последняя дешевка...

С т а л к е р. Нет-нет! Вы не понимаете...

П и с а т е л ь. Ну, конечно, конечно, куда мне! Опять психологические бездны! (Профессору.) Вы меня извините, Профессор, я ничего дурного в ваш адрес не хочу сказать, но вот этот поганый гриб почему-то выбрал вас своим любимчиком, а меня, как существо второго сорта, сунул, видите ли, в мясорубку! (Сталкеру.) Да какое ты имеешь право, сморчок поганый, выбирать, кому жить, а кому умирать?

С т а л к е р. Я ничего не выбираю, поверьте! Вы сами выбрали!

П и с а т е л ь. Что я сам выбрал? Одну длинную спичку из двух длинных?

С т а л к е р. Спички — это ерунда. Это результат! Вы сами выбрали еще там, в зале! Там Зона пощадила вас, и ясно стало — уж если кому суждено пройти мясорубку, так это вам! Только вам!

П и с а т е л ь. Ну, знаете!..

С т а л к е р. Я никакая не судьба, я только... ее рука! Я никогда сам не выбираю, я всегда боюсь ошибиться. Вы не представляете, как это страшно... Но ведь кто-то должен идти первым!..

В этот момент гремит телефонный звонок. Все вздрагивают, испуганно глядят на телефон. Снова гремит звонок. Профессор и Писатель вопросительно смотрят на Сталкера. Тот явно испуган.

Тогда Профессор поднимается и берет трубку.

С т а л к е р. Не трогайте!

П р о ф е с с о р. Слушаю...

В ответ слышится размеренный квакающий голос.

Г о л о с. Это два-двадцать три-сорок четыре-двенадцать?

П р о ф е с с о р. Д-да...

Голос. Как работает телефон?

П р о ф е с с о р. Я не... Н-нормально...

Г о л о с. Благодарю, проверка.

Слышатся короткие гудки. Профессор медленно кладет трубку.

С т а л к е р. Значит, он все-таки работает?

Профессор вдруг поворачивается к спутникам спиной, загораживая телефон, быстро снимает трубку и набирает номер.

Несколько длинных гудков, затем женский голос:

— Да?

П р о ф е с с о р. Заведующего лабораторией, пожалуйста!

Ж е н с к и й г о л о с. Одну минуту...

Профессор ждет. Поворачивается, мельком взглядывает на спутников и снова поворачивается к ним спиной. Раздается мужской голос:

— Слушаю.

П р о ф е с с о р. Надеюсь, я тебе не помешал?

Пауза.

Мужской голос (сухо). Что тебе надо?

Профессор. Всего несколько слов. Вы спрятали, а я нашел. Старое здание, четвертый бункер.

Пауза.

Профессор. Алло! Ты слушаешь?!

Мужской голос (яростно). Только посмей! Я немедленно сообщаю в корпус безопасности!

Профессор злорадно смеется.

Профессор. Можешь, можешь теперь сообщать, писать доносы, учреждать медицинские экспертизы, можешь угрожать и натравливать на меня моих сотрудников, только поздно! Никакие твои подлости мне уже не помешают. Я нахожусь в двух шагах от места. От того самого места. Слышишь? (Пауза.) Ты слушаешь?!

Мужской голос. Ты понимаешь, что это конец тебе как ученому?

Профессор. Это я переживу легче всего.

Мужской голос. Ты понимаешь, что тебя ждет?

Профессор. Опять пугаешь? Я действительно всю жизнь чего-то боялся. Даже тебя боялся. Но теперь мне совсем не страшно, уверяю тебя...

Мужской голос. Боже мой! Ты ведь даже не Герострат... Ты... Тебе просто всегда хотелось мне нагадить, и мы оба знаем — за что. За то, что двадцать лет назад я переспал с твоей женой, за то, что она всегда любила не тебя, а меня... И теперь ты в восторге, что тебе наконец удалось со мной поквитаться... Ладно, иди. Совершай свою гнусность. Но я тебе все-таки напомню... Не смей вешать трубку! Тюрьма — это не самое страшное, что тебя ожидает. Ты сам себе никогда не простишь, я знаю... да я просто вижу, как ты висишь над тюремной парашей на собственных подтяжках!..

Профессор резко вешает трубку и стоит, не оборачиваясь.

Писатель (негромко). Что это такое вы затеяли, Профессор?

Профессор поворачивается.

Профессор (бешено). А вы представляете, что будет, когда в ту самую комнату поверят все? Когда они все кинутся сюда! Ведь это же вопрос времени! Не сегодня, так завтра... И не десятки, а десятки тысяч! Все эти несостоявшиеся императоры, великие инквизиторы, фюреры, этакие благодетели рода человеческого! Не за деньгами, не за вдохновением, а мир переделывать!.. По своему отвратительному образу и подобию!

Сталкер (торопливо). Нет-нет! Я таких сюда не беру! Я же понимаю!

Профессор. Да что вы можете понимать, смешной вы человек! Да и не один вы на свете сталкер! И не все сталкеры такие, как вы! И никто из сталкеров не знает, с чем сюда приходят и с чем отсюда уходят те, которых они ведут... Вы же сами признались, что не знаете! А уровень мотивации преступлений падает! Из-за медяка могут зарезать человека! Может быть, это ваша работа? А военные перевороты, «гориллы» у власти, мафия в правительствах — может быть, это тоже ваши клиенты? Откуда вы можете это знать? А лазеры, а чудовищные сверхбактерии, вся эта угрюмая мерзость, запрятанная до поры сейфах...

Писатель. Да прекратите вы этот социологический понос! Неужели вы сами способны поверить в эти сказки?

Профессор. В страшные сказки я верю! В добрые — нет. А в страшные — сколько угодно!

П и с а т е л ь. Бросьте, бросьте!¹⁷ Не может быть у отдельного человека такой ненависти или такой любви, которые касались бы всего человечества! Деньги, баба, ну мсть какая-нибудь — чтобы начальника своего машиной задавило... Это еще туда-сюда, а власть над миром! Справедливое общество! Царство божье на земле! — это ведь не желания, это слова, идеология, лозунги... Действие, концепции. Неосознанное сострадание — не может реализоваться как простое желание. Инстинктивное!

С т а л к е р. Конечно! Ведь счастье — это очень личное. Не может быть счастья за счет несчастья других...

П и с а т е л ь (не слушая). Вот я совершенно ясно вижу, что вы замыслили сокрушить человечество каким-то невообразимым благодеянием. А я совершенно спокоен! И за вас, и за себя, и уж тем более за человечество. Ничего у вас не выйдет. Ну, в лучшем случае получите вы свою Нобелевскую премию, или, скорее всего, будет вам что-нибудь совсем уж несообразное, о чем вы вроде бы и думать-то не думаете... Телефонное... Это же закон! Мечтаешь об одном, а получаешь совсем-совсем другое.

Он замолкает, отдуваясь.

С т а л к е р (робко). Может быть, пойдем в Комнату? Скоро вечер, темно будет возвращаться...

12. КОМНАТА

И вот они стоят перед широким, как ворота, дверным проемом на пороге Комнаты — совершенно пустого помещения. На цементном полу — черные лужи, сквозь проломленный потолок светит вечернее небо.

Профессор опускает к ногам рюкзак. Писатель делает шаг к порогу, но Сталкер движением руки останавливает его.

С т а л к е р (мягко). Одну минуточку, не надо торопиться.

П и с а т е л ь. А я и не тороплюсь никуда.

С т а л к е р. Я знаю... Вы будете сердиться... Но все равно. Я должен сказать вам несколько слов. (Прокашливается в волнении.) Вот мы с вами стоим на этом пороге. Наступает наверняка самый важный момент в вашей жизни. Вы должны знать, что здесь <ис>полнится только самое заветное ваше желание, самое искреннее, самое глубокое. Самое выстраданное. Никакие слова вам не помогут. Да вам и не надо ничего говорить. Вам нужно просто сосредоточиться и попробовать вспомнить свою жизнь. Когда человек думает о прожитом, он становится добрее. Вам нужно быть очень добрыми сейчас. Вот и все, что я хотел вам сказать. А теперь — идите. Кто хочет первым? Вы?

П и с а т е л ь. Я? Нет. Я не хочу.

С т а л к е р. Я понимаю. Это не так-то просто. Но вы не беспокойтесь, это сейчас пройдет...

П и с а т е л ь. Едва ли это пройдет. Во-первых, если я стану вспоминать свою жизнь, вряд ли стану добрее... А потом, разве ты не чувствуешь, как это все срамно? Унижаться, сопли распускать... Молиться...

---

17 Здесь удалено «Да что такое фюрер, в конце концов? Всего-навсего несостоявшийся живописец, да еще импотент вдобавок... Неужели вы думаете, что, придя в комнату, он получил бы мировое господство? Чуть! Он получил бы прекрасную потенцию, да умение малевать пейзажи лучше прежних».

С т а л к е р. А что дурного в молитве? Это вы от гордости так говорите. Вы успокойтесь. Вы просто еще не готовы. Это бывает... довольно часто... (Профессору.) Может быть, раньше вы?

Профессор сидит на корточках и расшнуровывает рюкзак. Обнажается массивный металлический цилиндр.

П и с а т е л ь. Вуаля! Перед вами новое гениальное изобретение профессора... Профессора! Прибор для исследования судьбы человеческой души! Душемер!

П р о ф е с с о р (не поднимая головы). Нет. Это атомная мина.

Пауза.

П и с а т е л ь. Шутка?

П р о ф е с с о р. Нет. Атомная мина. Двадцать килотонн.

П и с а т е л ь (глупо). З-зачем?

П р о ф е с с о р. Мы собрали ее с... бывшими моими коллегами. Никому никакого счастья место это не принесет, а если попадет в дурные руки... Впрочем, теперь я уж и не знаю... Им вдруг взбрело в голову, что делать это все-таки нельзя. Если это даже и чудо — то прежде всего это часть природы и, значит, надежда... В определенном смысле... Они спрятали эту мину, но я ее нашел. Котельная, четвертый бункер.

Все очень просто: набрать четыре цифры и... ну, в общем, не будет больше этого места на свете...

Видите ли — существует общий принцип — никогда не совершать необратимых действий. Я понимаю, я ведь не маньяк. Но пока эта язва здесь открыта для этой сволочи — ни сна, ни покоя... Ни сна, ни покоя... Или, по-вашему, сокровенное не позволит? А? Как вы думаете?

П и с а т е л ь. Бедняжечка... Нашел себе проблемку... Ай да дьявол!

И тут Сталкер кидается к Профессору и вцепляется в мину. Профессор тоже вцепляется в мину, и тогда Сталкер с визгом принимается неумело, по-бабьи, его избивать, валит, царапает, пинает коленками. Профессор почти не сопротивляется. Набегает Писатель, отрывает Сталкера от Профессора, бьет его — расчетливо, профессионально, и после каждого удара Сталкер летит на землю, но каждый раз как заведенный вскакивает и слепо бросается к Профессору. В конце концов Писатель скручивает руку Сталкеру и приводит его в относительную неподвижность.

П и с а т е л ь. Ишь ты, хорек вонючий... задело-таки тебя за живое... крыса смиренная... А ну, стой смирно!

С т а л к е р (всхлипывая). За что? Вы подумайте... Почему вы меня?.. Он же хочет все это уничтожить... счастье, надежду... Он ведь и вашу надежду хочет уничтожить...

Писатель отшвыривает его в угол. Он оглушен, но продолжает что-то лихорадочно бормотать.

С т а л к е р. Ведь ничего не осталось у людей в этом мире больше!.. Только эта комната... ведь это единственное место, куда можно прийти, если надеяться больше не на что... Ведь вы же сами сюда пришли!.. Зачем же вы разрушаете... веру!..

П и с а т е л ь. Замолчи! Я же насквозь тебя вижу! Плевать ты хотел и на людей и на их счастье! Ты же деньги зарабатываешь на нашей тоске! И не в деньгах даже дело... Ты же здесь наслаждаешься, ты же здесь царь и бог, ты, мелкая лицемерная крыса, решаешь, кому жить, а кому умереть... Ты выбира-

ешь! Решаешь! Теперь я понимаю, почему ваш брат сталкер сам никогда не ходит в Комнату... А зачем? Вы здесь властью упиваетесь, тайной, авторитетом! Какие уж тут еще желания!

С т а л к е р (исступленно). Это неправда! Вы ошибаетесь! Не так все это, не так! Сталкеру нельзя входить в комнату! Нельзя! Сталкеру вообще нельзя приходить в Зону с корыстной целью! Вы вспомните Дикобраза! (Поднимается на колени.) Да, вы правы, я — крыса, я ничего не сделал там, в том мире и ничего не могу там сделать... Я счастья даже жене и дочери не сумел дать!.. Друзей у меня нет и быть не может. Но моего вы у меня не отнимайте. У меня и так все уже отняли — там, за колючей проволокой. Все мое — здесь! Понимаете, здесь, в Зоне. Свобода моя, счастье мое — все здесь... Ведь я привожу сюда людей таких же как и я, несчастных, замученных. Они ни на что больше не надеются — только на Зону! А я могу! Я могу им помочь! У меня сердце кровью обливается, когда я на них смотрю, я от счастья плакать готов, что я могу им помочь! Весь этот огромный мир не может. А я — могу! Вот и вся моя жизнь. И я больше ничего не хочу. А когда придет мне пора умирать, я приползу сюда, в эту комнату, и последняя мысль моя будет — счастье для всех! Даром! И пусть никто не уйдет обиженным!

Писатель с кряхтением опускается на пол.

П и с а т е л ь. Ну, может быть... Не знаю... Но все равно — ты меня извини, но все, что ты сейчас говорил здесь, — глупо. Ты просто юридивый. Ты же понятия не имеешь, что здесь происходит. Почему, по-твоему, повесился Дикобраз?

С т а л к е р. Да вся-то беда в том, что он пришел в Зону с корыстной целью... И загубил брата своего в мясорубке, чтобы богатым стать...

П и с а т е л ь. Это я понимаю. А почему он все-таки повесился? Почему он не пришел в эту комнату еще раз — теперь уже точно не за деньгами, а за братом... А?

С т а л к е р. Он хотел, он все время говорил об этом... Он даже пошел, но... Не знаю. Через несколько дней он повесился.

<П и с а т е л ь.>¹⁸ Он понял, что в комнате этой не просто желания, а сокровенные желания исполняются. А что ты там в голос кричишь! Брата, мол, хочу вернуть единственного, счастья, мол, для всего человечества, вдохновенья мне, умоляю! На месте этом то сбудется, что натуру твою составляет, суть! О которой ты понятия не имеешь, а оно в тебе сидит, и всю жизнь тобой управляет! Ничего ты, Кожаный Чулок, не понял, Дикобраза не алчность одолела. Да он по этой луже на коленях ползал, брата вымаливал, а получил кучу денег, и ничего иного получить не мог. Потому что Дикобразу — дикобразово. А совесть, душевные муки — все это придумано, от головы. А суть его дикобразова была. Понял он это и повесился...¹⁹

Не пойду я в твою комнатку! Не хочу дрянь, которая у меня накопилась, никому на голову выливать. Даже на твою. А потом, как Дикобраз, в петлю лезть. Лучше уж я в своем вонючем писательском особняке сопьюсь тихо и мирно. Нет, Большой Змей, паршиво ты в людях разбираешься, если таких, как я, в Зону водишь...

18 Реплика идет как продолжение реплики Сталкера — очевидная незамеченная описка.

19 Удалено: «Мне все время казалось, что мы какой-то дурацкий спектакль разыгрываем. В особенности наш ангел-хранитель старался... Только не думаешь ли ты, что если мы с Профессором живы еще, то ты нас не убивал? Убил! Хоть мы и живы, и не надейся!».

Наступает долгое молчание. Сталкер плачет.

Писатель вскакивает.

П и с а т е л ь. Потом... Откуда вы взяли, что это чудо есть на самом деле? Кто вам сказал, что здесь действительно желания исполняются? Вы видели хоть одного человека, который был очастливлен? А? Может, Дикобраз?

В запале Писатель спотыкается. Он испуганно зависает на одной ноге на самом пороге Комнаты, нелепо расставив руки для равновесия. Профессор и Сталкер, замерев, с ужасом глядят на него. И он, не удержавшись на ноге, с жалобным ревом валится на бок, падает на цементный пол и выкатывается по черным лужам на самую середину Комнаты.

Несколько секунд он лежит неподвижно, затем медленно поднимается и садится, размазывает по лицу грязную воду. Оглядывается, смотрит на Профессора и Сталкера, жалобно улыбаясь.

П и с а т е л ь (невнятно). Я не хотел... (Прокашливается.) Право, я совсем не хотел... Это нечаянно... Но я... Вы не бойтесь... Я вас люблю... То есть не то чтобы люблю... Мне просто вас жалко... Я не желаю вам плохого...

П р о ф е с с о р. Да вылезайте вы оттуда, черт вас подери!

П и с а т е л ь. Сейчас, сейчас... Сию минуту... ноги что-то...

Он неловко, задирая зад, на четвереньках выползает за пределы комнаты и садится рядом со Сталкером. Его всего трясет. Сталкер успокаивающе оглаживает его, бормочет что-то утешительное, по щекам его по-прежнему текут слезы.

П и с а т е л ь. Ну вот... И ничего не случилось... Все в порядке... А вы говорите — чудо...²⁰

Небо за проломленным потолком темнеет, уже почти не различить лиц. И тут раздается голос Профессора. Он говорит, а руки его как бы механически с натугой отвинчивают верхнюю часть цилиндра, обрывают тянущиеся провода и принимаются разбирать мину, разбрасывая деталь за деталью во все стороны.

П р о ф е с с о р. Наверное, прав Писатель: космический подарок сейчас бесполезен для человечества. Как бесполезен и безопасен был бы электродвигатель для неандертальцев... Но ведь настанет время, когда мы научимся понимать и подчинять себе наши самые сокровенные желания... И тогда мы посмотрим!²¹

Сталкер и Писатель, как замороженные, следят за движениями Профессора. Сталкер, словно ища защиты, прижимается к Писателю, и тот обнимает его за плечи грязной исцарапанной рукой. Все темнее становится на пороге. Пронесшийся ветерок рябью подергивает черные лужи на полу Комнаты под темнеющим небом...²²

20 Добавлено, начиная с фразы «Профессор и Сталкер, замерев, с ужасом глядят на него», и до данного места. Вместо этого фрагмента было (и потом в основном восстановлено): «Еще немного — и он бы выпал через порог на цементный пол Комнаты, но Профессор вовремя хватает его за штаны. Сталкер подходит и успокаивающе оглаживает его, бормочет что-то утешительное, но при этом всхлипывает, и по его щекам по-прежнему катятся слезы».

21 Эта реплика заменила собой другую: «П р о ф е с с о р. Только я не понимаю... Кому же тогда сюда ходить?..».

22 В «режиссерской разработке» затем добавлена следующая реплика: «С т а л к е р. Как там, не помню? “И предал сердце мое тому, чтоб исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал бог сынам человеческим, чтобы они утражились в нем”...».

13. СНОВА В БАРЕ

Грохот электрички смолкает в отдалении.

И опять они сидят в том же кафе-забегаловке и за тем же столиком, только теперь они грязные, оборванные, заросшие, а за окнами не ночь, а хмурый слезливый день, и кельнер не дремлет за стойкой, а перетирает пивные кружки.

Сначала наши герои молчат, словно бы расслабившись, время от времени пригубивая из полупустых кружек, затем Писатель вдруг решительно залпом допивает свое пиво.

П и с а т е л ь. ...Я представляю себе все это в виде гигантского храма. Все, что создало человеческое воображение, фантазия, дерзкая мысль — все эти кирпичи — золотые кирпичи, из которых сложены стены этого храма: философия, книги, живописные полотна, эстетические теории, трагедии, симфонии, даже, черт возьми, наиболее смелые, основополагающие научные идеи²³.

П р о ф е с с о р. Не хотите ли вы сформулировать смысл жизни?

П и с а т е л ь. Не перебивайте! Человечество существует лишь затем, чтобы создавать произведения искусства! Образы! Иллюзии абсолютной истины! Это, по крайней мере, бескорыстно, в отличие от всех других человеческих действий.

Пауза. Писатель вдруг неловко ухмыляется.

П и с а т е л ь. Шутка. Это все от пива. Пиво здесь... Разве это пиво? Давайте еще по одной, что ли?

П р о ф е с с о р. У меня больше нет денег.

П и с а т е л ь. И у меня нет...

П р о ф е с с о р (желчно). Вы же хвастались, что у вас везде кредит.

П и с а т е л ь. Да! Везде! А здесь — нет!

Профессор шарит в карманах, извлекает несколько монет пополам с мусором, выкладывает на стол.

П и с а т е л ь (с отворачиванием). Здесь и на кружку не хватит...

В этот момент у столика появляется хозяин, ловко расставляет перед ними полные, с шапками пены кружки, забирает кружки со спивками.

П и с а т е л ь (поднимает указательный палец). Ага! Мой читатель! Узнал!

Сталкер взглядывает поверх его головы на хозяина. Они ухмыляются друг другу, хозяин подмигивает Сталкеру и исчезает.

П и с а т е л ь. Ибо волей небес лишь поэт босоногий розы рвет без шипов на житейской дороге!

Сталкер и Профессор смотрят на него — на его небритую физиономию, на окровавленную тряпицу, съехавшую на лоб, — смотрят, а потом, не говоря ни слова, надолго припадают к своим кружкам.

С т а л к е р. Раньше меня всегда здесь жена встречала, когда я возвращался. У нее там целая десятка оставалась...

П и с а т е л ь. Какая десятка? Да я сейчас...

---

23 Удалено: «так уж и быть... А вот вся эта ваша технология, все эти домны, колеса, вся эта маяга-суета для того только, чтобы меньше работать и больше жрать, — все это стропила, леса, в общем, костыли. Они, увы, необходимы для построения нашего храма, он без них был бы совершенно невозможен, но... Все умирает, все забывается. Все исчезает. Остается только это здание. Честно говоря, человечество вообще-то существует лишь затем...».

С т а л к е р. Нет... Вы не понимаете. Я угощаю.

Он отходит к автомату, набирает номер и в тот же момент видит через окно жену и дочь, которые подходят к кафе. Тогда он вешает трубку и возвращается на свое место²⁴.

Жена и дочь подходят к столику.

Ж е н а. Вернулся?..

С т а л к е р. Садись... И Мартышку посади.

Писатель вскакивает, придвигает к столику стулья. Жена усаживает Мартышку, садится сама и, взяв Сталкера за руку, обводит взглядом Писателя и Профессора.

Ж е н а. Вы знаете, мама была очень против. Вы ведь уже поняли, наверное, он же блаженный... Вся округа над ним смеялась. Он был растяпа, жалкий тачкой... А мама говорила: он же сталкер, он же смертник, он же вечный арестант... И дети. Вспомни, какие дети бывают у сталкеров... А я даже не спорила. Я и сама знала все это: и что смертник, и что арестант, и про детей... Только что я могла сделать? Я уверена была, что с ним мне будет хорошо. Я знала, конечно, что и горя будет много, но только уж лучше горькое счастье, чем унылая серая жизнь. А может быть, это я уже потом придумала. А тогда он просто подошел ко мне и сказал: «Пойдем со мной». И я пошла. И никогда об этом не жалела. Никогда! И плохо было, и страшно было. И стыдно было. И все-таки я никогда не жалела и никому не завидовала. Просто судьба такая, жизнь такая, мы такие. А если бы не было бы в нашей жизни горя, то не было бы лучше. Хуже было бы. Потому что счастья не было бы тоже, и не было бы надежды. Вот. А теперь нам пора. Мартышка устала.

Она встает. Сталкер тоже поднимается.

С т а л к е р. Это вот мои друзья. И больше я туда никогда не пойду.

Он берет дочь на руки и идет к выходу, и она идет следом, а Писатель и Профессор смотрят им вслед.

14. УТРО

Они идут по грязной мощеной улице вдоль обширной грязной лужи, за которой тянутся в туманной дымке грязные заборы и грязные заводские строения. Мартышка сидит верхом на плечах отца, держась за его уши, а он придерживает ее за щиколотки, а рядом с костыликами в руке идет жена. И Мартышка рассудительно разглагольствует, задирая к небу худое лицо, словно стараясь выглянуть из-под повязки, закрывающей ее глаза.

М а р т ы ш к а. И еще я желаю пирожных, шоколадных бутылочек с сиропом и копченых угрей... А потом все, чтобы нюхать, — цветы, приятные духи... Грибной суп хорошо пахнет. И еще шелковое платье, чтобы шуршало, если погладить... А еще у меня есть самое сокровенное желание — муфта меховая, чтобы мех был мягкий, теплый, пушистый, гладкий...

Нарастает, накатывается и заглушает ее голос грохот пролетающей электрички.

Публикация Сергея Филиппова

24 В «режиссерской разработке» вся сцена, начиная со слов «Сначала наши герои...» и до этого места удалена.